

НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Бог простит

Отец Павел Адельгейм оказался единственным, кто принял своего убийцу на равных и всерьез

Фото: «Новая газета»

02:49, 14 мая 2014,

Елена Рачева

спецкор

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Конвой вводит подсудимого в клетку. Заламывает руки, пригибает к полу голову, покрикивает — беззлобно, безразлично, единственно по привычке к насилию. Подсудимый не реагирует, не поднимает глаз. Молчит.

В клетке он немедленно садится, без выражения смотрит вперед. Черный свитер, светлые волосы. Лицо припухшее, бесстрастное, когда-то выразительное, а сейчас смытое, стертое, так что и отношение свое к нему не понять.

В небольшом зале плотно, практически прижимаясь друг к другу, рассаживаются близкие убитого. Друзей подсудимого нет. Только немолодая женщина с замотанным шарфом и наполовину скрытым за париком лицом, робко поднимает руку и едва заметно, кончиками пальцев, машет ему. Подсудимый не видит.

Сергей Пчелинцев

Шизофрения*

Эта история началась 5 августа прошлого года, когда выпускник ВГИКа, 27-летний кинооператор Сергей Пчелинцев ударом в сердце убил псковского священника, 75-летнего Павла Адельгейма, и дважды ударил ножом себя.

Жизнь убийцы спасли. В институте им. Сербского у него диагностировали параноидную шизофрению и комплексное психическое расстройство личности, суд отправил его на принудительное лечение. История закончилась. Преступление свершилось, покаяние невозможно. Диагноз «шизофрения» стал заглушкой, которой все, от друзей жертвы до родственников убитого, закрывали тему убийства, заслонялись от нее. Он оказался сильнее, чем сочувствие, злость, даже любопытство.

Все время, прошедшее со дня убийства, меня, знавшую и любившую жертву, но по возрасту и кругу общения близкую скорее убийце, не оставляла странная мысль. Что если диагноз «шизофрения» — исходная точка, а не финал? Что если убийство обусловлено не только соотношением химических веществ в мозгу?

Я попыталась восстановить эту историю так, как ее мог видеть убийца, найти объяснения его поступкам — от приезда в Псков до убийства, от начала болезни до ее апогея. Мне хотелось понять, была ли эта трагедия предсказуема, можно ли было ее предотвратить. Теперь мне кажется, что шизофрения — лишь один из факторов, которые привели к трагедии. Все остальное — предельно логично.

Убийство

О Сергее в доме священника слышали за несколько месяцев до убийства. Его обещала привезти Аня, дочь покойного старого друга. Мол, собираемся обвенчаться, хотим подготовиться. Затем — менее уверенно: Сережа, наверное, приедет один.

Пчелинцев приехал из Москвы в Псков 3 августа. Вел себя странно, несколько раз убегал из дома, жаловался на плохое самочувствие и бессонницу, то ложился во дворе на траву, то возвращался мокрым (якобы ходил купаться на мелкую, грязную, поросшую тиной реку), то подбегал к отцу Павлу, вскрикивал: «Я понял! Я все понял». Как вспоминает вдова Адельгейма Вера Михайловна, гость им с мужем не приглянулся: слишком нервный, взвинченный, суетливый. Но выгнать его никому в доме в голову не пришло: из этого дома вообще немыслимо никого выгнать.

Психиатр, знакомая с заключением судебно-психиатрической комиссии центра им. Сербского, позже шумела, что уже в первый же день в Пскове было понятно, что пора вызывать

скорую психиатрическую помощь, диагноз был очевиден. Но невролог городской больницы, куда привез Сергея отец Павел, обнаружила только повышенные давление (160/80) и учащенный пульс.

Потом, после убийства, я нашла этого невролога, и она неохотно рассказала, что помнит того молодого человека: «Он выглядел усталым. Несколько заторможен. Медленная речь. Не спал несколько суток. Бессонница — тревожный симптом, поэтому я предложила ему обратиться к психиатру. Никогда бы не догадалась, что он...»

5 августа

На второй день за Сергеем приехал отец. Уезжать тот не хотел: просился остаться жить у отца Павла, затем в монастырь, затем упал на колени: «Папа, не отправляйте меня в психушку!»

Отец все же посадил сына в поезд. На допросе он описывал это подробно: сначала сын читал книгу, затем позвонил Адельгейму («Отец Павел, простите меня»), затем Ане, невесте. После стал ходить по вагону, на станции Пола сказал, что должен выпить лекарство, взял рюкзак и пошел за водой к титану. И вдруг выскочил в тамбур, оттолкнул проводницу и выпрыгнул из поезда уже на ходу. В Псков отец не вернулся.

...Объявился Сергей следующим утром. Священник не раздумывая поехал за ним и привез домой.

Вечер в доме казался мирным. Матушка Вера Михайловна готовила ужин, дочь Маша мыла посуду, отец Павел за обеденным столом резал кабачки. Вера Михайловна на минуту вышла, как вдруг услышала дикий крик Маши: «Папу зарезали!» Потом, после убийства, Псков будет особенно часто вспоминать эти кабачки – простую, мирную, будничную деталь.

«Убейте меня, убейте!»

...В зале суда душно. Кто-то открывает окно, и снаружи становятся слышны скрип колясок, крики детей — мирный городской гул.

Подсудимый сидит в клетке, не глядя ни на кого. Иногда кажется, что он спит.

— Имя, дата рождения, адрес? — спрашивает судья. Пчелинцев называет маленький подмосковный поселок. «Просто там свежий воздух», — вдруг без выражения добавляет он.

Суд уложился в три заседания — каждые две недели по 3—5 часов. Два из них занял опрос соседей.

Из показаний свидетелей: «Я услышала вскрик, вижу, он (Пчелинцев. —Е.Р.) стоит перед столом и кричит: «Бес, бес, бес, бес». А на столе лужа крови. Я его выгнала на огород (*задний двор, дверь в который идет из кухни.* —Е.Р.) и сказала соседке вызвать «скорую помощь». Тут он снова забежал в кухню, схватил нож и убежал на улицу».

«На меня шел юноша, в руке у него был нож. Он кричал: «Господи, что я сделал!» Это были нечеловеческие какие-то крики, даже визги. Я решила, он идет в церковь убивать людей».

«Он резко повернулся и пошел в моем направлении. Я начал отодвигаться, не очень-то это приятно, человек с ножом... На всякий случай взял бревно и сказал всем, чтобы зашли за калитки»

...Свидетелей много, в зале душно, журналисты скучают. Убийца слушает молча. Я пытаюсь понять, что на его лице? Отстраненность, спокойствие? Гордыня, равнодушие? Скука?

Кажется, он просто хочет все это перетерпеть.

Из показаний старшего уполномоченного ОВД: «Он бежал нам навстречу с криками... Когда до нашей машины было метров 15, он нас увидел, что-то сказал, два раза ударил себя в грудь ножом и попытался пробежать мимо. Водитель сделал маневр, открыл дверь, заблокировал ему дорогу, я выскочил с другой стороны. Он кричал, что в него вселились дьяволы, демоны, несколько раз спрашивал: «Я его убил? Я его убил?».

Как мне потом рассказывали очевидцы, на самом деле полицейские не стали выходить из машины, наехали бампером, сбили — а только потом победно скрутили, положили на траву. Соседи долго судачили, сам ли Пчелинцев ударил себя в грудь, или полиция перестаралась.

Убивал, впрочем, Сергей себя сам: нож втыкал в грудь под углом в 90 градусов, второй рукой помогал. Полицейский на суде усмехнулся: мол, совсем неопытный парень. А соседка Адельгеймов Люба рассказала мне, как подошла к нему, уже тяжелораненому, лежащему на земле:

— Гляжу: руки за спиной, грудь открыта, проколото между ребрами, видно, как шевелится там всё... Говорю: «Что ты наделал?» «Я его убил или нет?» «Да, убил». «Убейте меня, убейте!»

undefined

Головная боль

Первое заседание обвиняемый сидел в клетке, не двигаясь и приложив руку к виску. Узкая кисть прикрывала лицо, и непонятно было, загоразживается он от телекамер или пытается унять боль.

От головной боли Сергей страдал с детства. Врачи разводили руками: последствия родовой травмы, ничего не поделать. Мигрени начались в 7 лет, родители развелись, когда ему было шесть. С 16-ти Пчелинцев жил один: мать с новым мужем и дочерью уехала за границу, в разговорах с друзьями он о них почти не вспоминал.

Сразу после школы Сергей поступил во ВГИК, в 19 женился, через год развелся, позже никогда об этом браке не упоминал. Из института то ли ушел сам, то ли был отчислен, в 2009 году восстановился, отзывы однокурсников и преподавателей

хорошие: добрый, отзывчивый, трудолюбивый, никто бы не подумал, что...

Поговорить со мной согласились немногие и не самые близкие знакомые Пчелинцева, поэтому не всему можно доверять. Однако из этих рассказов очевидны две вещи: его, Сергея, удивительная харизматичность — и абсолютная рассудочность.

Принц

Юношеское прозвище Сергея было Принц: золотистые кудри, тонкие черты, отстраненное, красивое, гордое лицо...

Пчелинцев ставил себя так, что в любой съемочной группе его воспринимали как профессионала. Доверяли ему абсолютно. Двое коллег долго рассказывали, каким опытным и талантливым оператором его считают — и только после моих вопросов поняли, что решили так, не посмотрев ни одного его фильма, лишь по тому, как он организует съемки.

Сергей был педантичным, настойчивым, мог замучить подчиненного — но добиться своего. Коллеги хотели ему нравиться, за его внимание боролись.

Отлично управляя людьми, Сергей никогда не кричал без необходимости, не выходил из себя. Казалось, рациональное в нем преобладает над эмоциональным. Когда после тяжелых съемок в Ростове съемочная группа возвращалась в общежитие и еще долго шумела, пытаясь расслабиться, Сергей молча ложился и засыпал. Представить его злоупотребляющим алкоголем или наркотиками знакомые не могут: Сергею нужен был абсолютный самоконтроль. Как с этой рассудочностью уживалась шизофрения? Никто не знает.

Однако нельзя сказать, что уж совсем «никто не подумал бы, что....». Дальние и потому равнодушные к нему знакомые

говорили, что не удивлены. У Пчелинцева бывали периоды плохого настроения, когда он становился раздражителен, необщителен, мог наорать. Иногда целыми днями лежал, иногда — метался, не находя себе места. Видимо, все это было связано с головной болью.

В 2012 году, катаясь на кайте, Сергей получил травму шеи, и мигрени стали мучить его еще больше. Его бывшая девушка вспомнила, как однажды Сергей попросил ее купить лекарства. Список она показала маме-врачу. Оказалось, все это — сильнейшие обезболивающие, почти наркотики.

«Больше снимать кино»

В деньгах Пчелинцев особенно не нуждался: сдавал квартиру, подрабатывал фотосъемкой, вел небольшой бизнес матери. Другим рассказывал про невероятные не то проекты, не то действующие бизнесы. Например, про фирму с остроумным оруэлловским названием «1984»: системы электронного слежения за сотрудниками компаний.

К деньгам, по словам друзей, Сергей относился равнодушно, как к средству, в основном тратил их на съемки кино.

Я видела три фильма Пчелинцева. Это ювелирная, выверенная, насквозь рассудочная работа. Как будто он в деталях продумывал каждый кадр, точно рассчитывая, какое воздействие тот будет иметь.

Просчитывать эффект — вообще очень про него. Он любил манипулятора Набокова, мечтал экранизировать «Камеру обскуру».

Почему он выбрал операторский и увлекся кино? Друзья не знают. Оператором был его дед — а Сергей, возможно, просто хотел заниматься творчеством, и кино оказалась понятной

стезей. Ясно одно: он хотел быть хорошим оператором. Очень хорошим. Как будто он сделал на себя ставку и с каждым годом ее повышал.

За несколько часов до убийства в последнем, прощальном разговоре с невестой (режиссером по профессии) Сергей вдруг сказал, что им нужно было больше снимать кино, что теперь он этого больше не сможет... Кино, главное — кино.

«Сережа дурак»

— Сережа его специально убил, чтобы я его не видела никогда. Чтобы он вкусненькое не ел. Чтобы вообще ничего вкусненького не ел! Папе сделал больно. Если бы я знала, я б его за шкуру — и за калитку. Пусть бы всю ночь там сидел! — дочь отца Павла Маша говорит не зло, а скорее обиженно. В детстве Маша перенесла менингит и на всю жизнь, до своих 50-ти, осталась ребенком. По случайности, она оказалась единственной, кто видел убийство: «Я поливала огород — потом прихожу, смотрю — он тут с ножом. Я стала орать, мама «скорую» вызвала и меня увезли в Богданово (*психбольница под Псковом*. —Е.Р.). Там у меня нашли знаете что? Стресс».

Маша чистит картошку. Очистки разлетаются под ее руками, пальцы в тяжелых красивых перстнях плюхают картошку в ведро, рядом чешется, пофыркивая, огромный пес.

После больницы у Маши возобновились приступы эпилепсии. Теперь она плохо понимает, что ей говорят — словно не слышит, — и постоянно просит маму «включить папу», часами глядя фильмы о нем. Осторожно спрашиваю, что бы Маша сказала Пчелинцеву, если бы встретила.

— «Ты моего папу убил — уходи отсюда. Уходи!», — насуплено отвечает Маша, и ясно, что она (максимум) вытолкала бы убийцу за порог. Всю жизнь жившая в родительском доме,

Маша не видела агрессии больше, не знает зла. Она почти любит Сергея — потому, что в ее мире не умеют не любить.

После убийства Маша выскочила из дома с криком: «Сережа дурак!»

Последние дни

Мне не удалось поговорить ни с кем, кто видел бы Пчелинцева в последние месяцы перед убийством. Приятелям он говорил, что болеет, голос звучал глухо, но «никто б не подумал, что...»

За два дня до убийства он вдруг прислал смс бывшей девушке. Что-то вроде: «Прости меня за все. Читай Библию детям», — точнее она не запомнила, да и детей у нее нет.

В июле Сергей обратился к неврологу, который диагностировал панические атаки и объяснил, что причина головной боли — не неврология. Еще раньше, как объяснял Пчелинцев другу, у него в мозгу обнаружили кисту. Он вбил себе в голову, что болен смертельно, испугался, что не сможет работать. Головные боли усилились.

Сергей увлекся религией — так, как может увлечься ею смертельно больной. Читал Библию, ходил в Храм Христа Спасителя, прикладывался к кресту Андрея Первозванного (говорил, что почувствовал «некое озарение» и головные боли прошли). Прошлой весной Сергей увидел интервью отца Павла в журнале «Большой город» и восхитился им. Его девушка Аня рассказала, что Адельгейм был духовным отцом ее родителей, она сама когда-то жила у него неделю. Пара строила планы приехать, официально — подготовиться к венчанию. Впрочем, на допросе Аня это уже отрицала. По ее словам Сергей, с которым они уже давно жили вместе, «не был тем человеком, с которым я бы хотела связать дальнейшую жизнь. Отношения у меня к нему были чисто дружескими, теплыми, как к человеку,

испытывающему недуг». Сидя в клетке, Пчелинцев выслушал это, не изменившись в лице.

А тогда, прошлым летом, признаки безумия нарастали, и Сергей всеми способами пытался спастись.

Один

В конце июня Пчелинцев вдруг позвонил своему отцу, с которым после развода родителей виделся ровно три раза. Они встретились. Сергей пожаловался на головные боли, сказал, что ходил к разным врачам. «Какой результат был от лечения, я уже не помню», — объяснял отец следователю.

30 июля, за шесть дней до убийства, Сергей вновь позвонил отцу и сказал, что ему плохо. Отец приехал в поликлинику, где тот был. Пока ждали врача, сын вдруг стал говорить, что только сейчас понял, как плохо относился к близким, посоветовал читать Библию, рассказал, что собирается к священнику. У него тряслись руки. От врача Сергей вышел расстроенный, почему, отец не знает, к врачу он не зашел.

Ехать домой, к Ане, Сергей отказался, к матери — тоже: мол, не хочет расстраивать. Взрослому успешному человеку с большим кругом общения вдруг оказалось некуда пойти. Две ночи он провел у отца.

Судя по тому, что позже рассказывал Сергей психиатрам, с середины июня болезнь перешла в открытую стадию. Состояния менялись каждый день, от страха смерти до легкости и приподнятости, Пчелинцев не мог спать, целыми днями читал Библию, на исповедь пришел «с двумя тетрадами грехов».

За день до отъезда в Псков Сергей позвонил Ане, сказал, что ему очень плохо, он не спал четыре ночи, мучается от головной боли и «что если из него не выгнать бесов, он умрет». Из

протокола допроса Ани: «На это я ему предложила выпить успокоительного и поспать, после чего прекратила наш разговор». И всё.

Кажется, параллельно тому, как развивалась шизофрения, разваливались и распадалась все связи: дружеские, семейные... Близкие не замечали болезнь, а вместе с ней — состояние того, кем она завладела. Вакуум вокруг нарастал, любовь ближних терпела крах: ее не хватало, ни чтобы отсрочить сумасшествие, ни чтобы распознать его. Впрочем, сколько раз мы все проходили мимо, не умея услышать и почувствовать близкого человека.

А тогда, в нарастающем безумии, в невероятной концентрации эмоций, которые Пчелинцев всю жизнь боялся и всю жизнь пытался контролировать; посреди полного одиночества и невозможности спастись — он вспомнил о добром священнике из Пскова. И поехал к нему.

...В Пскове было зелено, пыльно и сонно. Прорывалась из-под разбитого асфальта трава, вздыбился урожаем любовно ухоженный огород Адельгеймов. Убийство все еще могло не случиться — если бы отец Павел не оказался первым, кто не был к Сергею равнодушен.

Вряд ли священник не понимал, что имеет дело с болезнью (его друг-психолог в шутку говорил мне, что они с Адельгеймом часто менялись «пациентами»). Но не считал нужным заслоняться от нее. Отец Павел всюду проповедовал церковь как любовь и свободу: среди ссыльных в Караганде; в лагере, где оказался за веру; в нынешней, не принимавшей его РПЦ. Вероятно, Сергей (как и сотни людей, прибившихся к дому Адельгеймов) почувствовал в нем эту любовь, ответ ее на себе.

Любовь ближних оказалась несовершенна. В ней были эгоизм, страх; да и нелюбовью оказывалась она иногда. Любовь отца

Павла была всего этого лишена. Он не умел отстраняться, закрываться, прогонять. Не умел — или не хотел, не считал нужным; не в храме, а в миру вел свое служение, видел не только Бога, но и людей.

В единственном письме, которое передали вдове Адельгейма невеста Сергея и ее мать, сказано, что «чудовище, прятавшееся в больном мальчике, в любой момент могло наброситься на нее (Аню. —Е.Р.)» и что «сострадание к больному мальчику — вот все, в чем мы виноваты... Отец Павел прикрыл Аню собой, по сути, спас ей жизнь». Скорее всего, близких Пчелинцева защитил не отец Павел, а их собственный эгоизм, закрытость, отстраненность от Сергея. Чтобы безумие могло высвободиться, нужен был кто-то, кто подойдет совсем близко, почувствует Сергея. Возможно, случись это раньше — трагедии могло бы не быть. Но отец Павел оказался единственным, кто принял его на равных и всерьез.

«Мысли текут, как паровоз»

Прощание